

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И ПРАВОСЛАВНОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАЛМЫКИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946–1956 гг.)

История взаимоотношений государства и православного населения Калмыкии в послевоенный период является «белым пятном» в отечественной историографии. Об этом времени не написано ни одной работы, тогда как по другим периодам публикации имеются [Борисенко 1999; Белоусов 2003; Белоусов 2010; Белоусов 2013]. Целью настоящей статьи является исследование взаимоотношений государственных властей и православного населения Калмыкии в 1946–1956 гг., когда калмыцкий народ находился в местах высылки, а территория упраздненной республики была распределена между соседними областями и краями.

Исследование основывается преимущественно на рассекреченных материалах фонда Архива Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР (Р-6991) Государственного архива Российской Федерации (далее — ГА РФ) и документах фонда Совета Министров КАССР (Р-309) Национального архива Республики Калмыкия (далее — НА РК).

После окончания Великой Отечественной войны для христианского населения страны ключевой задачей продолжало оставаться восстановление религиозных институтов, поскольку от ее решения зависело налаживание полноценной религиозной жизни и ее дальнейшие перспективы.

В условиях Великой Отечественной войны религиозная политика советского государства претерпела изменения в сторону смягчения: почти отсутствовала антирелигиозная пропаганда, была восстановлена деятельность нескольких духовных семинарий, из мест заключения была выпущена часть иерархов и духовенства, верующие получили возможность возобновить деятельность закрытых в предшествующие годы религиозных обществ. Война, а также позитивные перемены в государственной религиозной политике способствовали активизации религиозной жизни населения Советского Союза.

В послевоенные годы надзор за деятельностью Русской православной церкви и организаций других вероисповеданий осуществляли учрежденные в 1943 и 1944 гг. Совет по делам русской православной церкви и Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР, имевшие в субъектах своих представителей в лице уполномоченных по делам религиозных культов.

В рассматриваемый период Калмыцкой АССР как административно-территориального субъекта не существовало, так как в 1943 г. она была ликвидирована, а калмыцкий народ депортирован. Большая часть территории бывшей Калмыцкой АССР (7 улусов) и ее административный центр — Элиста, переименованный в г. Степной, входили в состав Астраханской области, Малодербетовский и Сарпинский улусы — в Сталинградской области, Приютненский улус — Ставропольского края, Западный и Яшалтинский улусы — Ростовской области.

В церковном отношении большинство православных христиан Калмыкии находились в ведении астраханского архиепископа Филиппа (В. С. Ставицкий), осуществлявшего надзор над епархиями двух областей — Астраханской и Сталинградской.

Война всколыхнула религиозные настроения в народе, а смягчение позиции власти по отношению к религии породило у верующих надежду на скорое возрождение религиозной жизни в организационных формах. Начиная с 1943 г. в местные органы власти и в Совет по делам русской православной церкви хлынул поток ходатайств от верующих об открытии у них церквей, молитвенных

домов и перерегистрации действующих обществ. Это поставило государственные власти в затруднительное положение. Руководство страны не было заинтересовано в религиозном возрождении, ибо это противоречило господствующей коммунистической идеологии, одной из важнейших составляющей которой являлся атеизм. Но в то же время власти вынуждены были считаться с вызванным войной религиозным подъемом в стране, а также с тем обстоятельством, что в 1943 г. они сами предоставили верующим возможность восстановить, пусть и ограниченно, религиозную жизнь.

Чтобы не допустить дальнейшего усиления позиций РПЦ и организаций других вероисповеданий в жизни советского общества, государственные власти всячески сдерживали процесс восстановления организационных форм жизнедеятельности религиозных обществ. Для реализации данной политики в их арсенале было достаточно средств как законодательного, так и административного характера. Принятые в годы войны новые юридические акты (Положения «О порядке открытия церквей» от 28 ноября 1943 года и «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» от 19 ноября 1944 года) нисколько не устранили многоступенчатость и длительность процедуры открытия и регистрации культовых учреждений. Даже когда все юридические нормы были соблюдены и имелись веские аргументы для открытия культового сооружения, о победе верующих говорить не приходилось. В подобных случаях в действие вступал административный ресурс, т. е. на инициаторов подачи заявления оказывалось давление со стороны властей, преследовавших цель — под любым предлогом не допустить регистрации религиозного общества.

Для православных верующих Астраханской области более результативным в плане удовлетворения их ходатайств об открытии церквей и молитвенных домов оказался период с 1945 г. по начало 1946 г. В органы государственной власти в 1945 г. православными было подано 32 заявления, из которых 7 получили положительное разрешение, в 1946 г. — 14 заявлений, из них положительный ответ был дан по 4. В советские органы области в 1947 г. поступило 13 заявлений об открытии церквей и молитвенных домов РПЦ, но

удовлетворено из них было всего одно [Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 316. Л. 11].

Обращались в органы государственной власти и к уполномоченному по делам РПЦ с просьбами разрешить им открыть у себя церкви и молитвенные дома и жители населенных пунктов, отошедших к Астраханской области в результате ликвидации Калмыцкой АССР. В 1947 г. от верующих из п. Лиман, сел Яндыки и Промысловое Лиманского района, в которых насчитывалось до 200 чел. поступило 4 таких прошения. В заявлениях говорилось, что в этих населенных пунктах нет культовых сооружений уже более 20 лет, с 1945 г. Верующие неоднократно обращались с просьбами открыть церковь или молитвенный дом хотя бы в одном из них. Однако на все 4 заявления был получен отрицательный ответ. Отказ объяснялся отсутствием во всех трех поселениях культовых сооружений и свободного жилого фонда у местных администраций. Имевшиеся в селах Яндыки и Промысловое церкви были разобраны, а в п. Лиман православного культового сооружения никогда не было [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 316. Л. 73].

Под тем же предлогом отказано в открытии церкви и жителям административного центра Каспийского района — п. Каспийского (Лагань). Верующих здесь возглавлял пенсионер Ермаков, который вместе со сподвижниками в 1947 г. организовал сбор подписей и подал на имя уполномоченного по делам РПЦ в Астраханской области Виноградова два заявления об открытии в поселке молитвенного дома. На следующий год с аналогичной просьбой он обратился к Патриарху РПЦ Сергию и в Совет по делам РПЦ при Совете Министров СССР, и также получил отрицательные ответы [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 316. Л. 9, 71]. Православным жителям п. Каспийского не помогла даже поддержка председателя районного Совета Писарева, который в 1946 г. заявлял уполномоченному по делам РПЦ в Астраханской области о необходимости прислать в поселок священника [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 93. Л. 13].

Ходатайства верующих отклонялись даже в тех случаях, когда в населенных пунктах уже имелись культовые сооружения. В селе

Караванном была церковь — единственная во всем Лиманском районе, при этом сохранившаяся в хорошем состоянии. Она не функционировала, но и не была занята под клуб или склады. Ее закрытие в 1930-х гг. не было юридически оформлено, так как жители с. Караванного на всех собраниях, организуемых властями по вопросу ее закрытия, голосовали против. Они поддерживали в ней порядок, следили за сохранностью имущества, при этом вплоть до 1950 г. в их распоряжении находились ключи от церкви [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 886. Л. 22]. В 1945 и 1950 гг. верующие своими силами произвели в ней ремонт, надеясь, что власти разрешат возобновить в ней богослужения.

Более того, жителям с. Караванного удалось сохранить структуру церковного самоуправления: совет, ревизионную комиссию и так называемую двадцатку — 20 учредителей религиозного общества. В селе сложился крепкий церковный актив, в который входили И. К. Косых, П. К. Савенков, Т. К. Савенкова, И. С. Челобаев, Д. П. Сошникова, Т. И. Иванов и И. М. Сошников. «Эта группа, — отмечал в 1952 г. в одной из своих информационных записок в Совет по делам РПЦ уполномоченный по делам РПЦ в Астраханской области В. Мукорин, — является активным возбудителем религиозных чувств верующих, является организатором и инициатором подачи заявлений об открытии в селе церкви» [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 886. Л. 23]. Ежегодно на протяжении 1944–1948 гг. они обращались в органы государственной власти с просьбой открыть у них церковь, но получали отказ. В своих заявлениях они писали о том, что в Лиманском районе нет ни одной церкви, что в ведении их церкви могли бы состоять не только жители с. Караванного, но и население близлежащих к нему сел — Басы и Михайловского.

Несмотря на то что у караванинцев имелись весьма веские аргументы в пользу возобновления деятельности их церкви, что признавал даже уполномоченный по делам РПЦ в Астраханской области В. Мукорин, церковь для богослужения так и не была открыта.

Церковное здание имелось также в с. Троицком Степновского района. После закрытия церкви его переоборудовали под клуб, а

1945 г. после переезда клуба в другое помещение, здесь разместили склад средней школы. В 1948 г. верующие этого села обратились к уполномоченному с просьбой вернуть им церковь, чтобы начать в ней богослужения, но власти отказали им, сославшись на ветхость здания. Свой отказ они оправдывали тем, что в 10–12 км от с. Троицкого — в г. Степном — функционировал православный молитвенный дом, к тому же доверия им не внушала инициативная группа, состоявшая из бывших кулаков и лиц, находившихся в период Великой Отечественной войны в зоне немецкой оккупации [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 316. Л. 41].

Анализируя религиозную жизнь у православных христиан в Астраханской области, уполномоченный по делам РПЦ Виноградов отмечал, что «почти в каждом населенном пункте в какой-то степени до сих пор сохранилась хоть небольшая группа, которая по-разному проявляет себя: приглашением священника для исполнения треб на дому или посещение отдельными верующими близ расположенную церковь. Иногда это выявляется просьбой к Архиепископу о посылке им в село священника для проведения разовой службы и т. д.» [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 626. Л. 15].

Если не было возможности заполучить священника для совершения религиозных треб, верующие исполняли их самостоятельно, тем самым нарушая закон. В Астраханской области особую активность проявляли верующие из с. Караванного. Они устраивали молебны на дому, подыскивали священников для нелегального совершения треб, по большим религиозным праздникам (Крещение и Петров день) проводили шествия. В 1951 и 1952 гг. на Крещение караванские верующие прорубили лед на ильмене в форме креста и открыто проводили в нем обряд крещения, на котором присутствовало немало людей.

По свидетельству местных властей, население с. Караванного широко отмечало главные православные праздники — Пасху, Рождество Христово, Крещение, Масленицу, Петров день. В такие дни большинство колхозников не выходило на работу в течение 2–5 дней. В религиозных празднествах участвовали и некоторые представители местных органов власти. В 1952 г., например, дважды

откладывалась сессия сельсовета из-за того, что часть депутатов и актива праздновала Масленицу.

Религиозные обряды, требовавшие обязательного участия священника (крестины детей, освящение куличей, венчание), верующие с. Караванного проводили в церквях г. Астрахани [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 886. Л. 24].

На попечении архиепископа Филиппа, кроме православного населения Астраханской области, находились также верующие Сталинградской области. В 1944 г., после упразднения Калмыцкой АССР, в Сталинградскую область были включены два северных района республики — Малодербетовский и Сарпинский.

В Сталинградской области, как и в Астраханской, в первые послевоенные годы наблюдались оживление религиозных настроений и активизация попыток зарегистрировать религиозные общества. Сильный толчок к духовному подъему дало празднование Пасхи в первый послевоенный год. В 1946 г. уполномоченный по делам РПЦ в Сталинградской области С. Б. Косицын докладывал своему начальству, что «в текущем году религиозный праздник Пасха прошел исключительно с большим подъемом, что не отмечалось в прошлых годах. Пасхальные службы проводились не только в районах и селах, где есть действующие и зарегистрированные церкви и молитвенные дома, но они также проводились в большинстве сел и районов области, где нет действующих церквей и молитвенных домов» [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 90. Л. 193]. По его наблюдению, пасхальные торжества привели к активизации православного населения, что проявилось в резком возрастании в 1946 г. потока заявлений об открытии и регистрации церквей и молитвенных домов и учащении совершения богослужений без разрешений властей.

В 1946 г. в органы государственной власти православными области было подано 85 заявлений с просьбами о регистрации религиозных обществ. Положительно вопрос был решен в отношении 11 обществ, а в 1947 г. — соответственно 4 из 27. На 1 января 1947 г. в Сталинградской области функционировало 40 церквей и молитвенных домов, из которых более половины была открыта в 1943–1945 гг., т. е. на завершающем этапе Великой Отечественной

войны [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 785. Л. 69]. В конце 1948 г. в своем информационном докладе в Совет по делам РПЦ уполномоченный по делам РПЦ в Сталинградской области С. Б. Косицын писал: «Анализируя общее положение и деятельность в области, видно, что церковь усиливает распространение своей деятельности и влияние на отдельные, а главным образом на отсталые прослойки населения» [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 350. Л. 157 об].

В Малодербетовском и Сарпинском районах в послевоенные годы не действовало ни одно культовое сооружение православного вероисповедания. Верующие в этих районах проявляли большую активность в вопросе открытия у них церквей или молитвенных домов, в особенности жители старейших населенных пунктов, где всегда были сильны религиозные традиции — Садового, Обильного, Тундутово, Плодовитого. Из первых двух заявления уполномоченному по делам РПЦ Косицыну поступали в 1946 и в 1947 гг. С целью проверки Косицын совершил две поездки в с. Обильное, и три — в с. Садовое, но по их итогам он принял отрицательные решения, мотивировав отказ отсутствием подходящих помещений для организации молитвенных домов.

Интересно, что в Сарпинском районе многие верующие напрямую связывали разразившуюся в 1946 г. засуху с отсутствием у них действующих церквей. «В селах Обильном и Садовом Сарпинского района отсутствие дождей и наличие сильной засухи, создавшей полную угрозу урожаю, верующие объясняют отсутствием в этих районах действующих церквей и молебнов на полях о даровании дождя, а в связи с этим они настойчиво требуют открытия церквей или проявляют самовольные, без разрешения службы и обряды» [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 90. Л. 195].

Стремление властей не допустить регистрации религиозных организаций и чинимые на этом пути препятствия не решали проблемы, а, наоборот загоняли ее вглубь, вынуждая верующих идти на нарушение законов. Они в собственных домах устраивали нелегальные богослужения и собрания по обсуждению вопроса об открытии церквей и молитвенных домов, на которых часто присутствовали не зарегистрированные в органах государственной власти священники

и монахини. В связи с этим председатель Сталинградского исполкома Я. Ларин и С. Б. Косицын в 1948 г. подготовили циркуляр председателям районных и городских исполкомов Советов, предписывавший им не допускать деятельность незарегистрированных в органах государственной власти священнослужителей и проведение нелегальных религиозных служб и собраний верующих [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 350. Л. 88].

Несмотря на запреты и начавшееся в 1948 г. ужесточение политики государства по отношению к религии, верующие продолжали обращаться с просьбами об открытии у них церквей и молитвенных домов, о разрешении совершать богослужения и отправлять религиозные обряды по своему усмотрению. Большую настойчивость в этом проявляли верующие с. Садового и особенно — с. Обильного Сарпинского района.

Село Обильное входило в число 5 населенных пунктов Сталинградской области, жители которых наиболее активно выступали за открытие церквей. По словам уполномоченного по делам РПЦ в области С. Косицына, заявления из этих сел шли «беспрерывно и продолжительное время» [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 350. Л. 104]. Тот же Косицын отмечал, что «формальных оснований к отклонению этих ходатайств не имеется, но они длительное время не получают разрешения потому, что руководство области к этим заявлениям отношение имеет отрицательное и одобрения они не получают» [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 350. Л. 104].

Православных активистов в с. Обильном возглавлял член местной артели кустарей А. В. Кисленко. Верующие ежегодно обращались к властям с просьбой об открытии молитвенного дома на частной квартире. В информационном докладе Косицына в Совет по делам РПЦ за 1-й квартал 1951 г. говорилось: «Следует отметить, что верующие данного с. Обильного, начиная с 1945 г., ежегодно обращаются с письменным или устным заявлением об открытии церквей. Причем, они в большие церковные праздники (Пасху, Рождество, Троицу) собираются в частных домах по 10–20 человек без служителя культа, и под руководством бывших монашек совершают церковные пения или богослужения» [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 785. Л. 16].

В с. Садовом православные собирались группами по 20–30 человек на двух квартирах, где под руководством монахинь проводили молитвенные собрания. Во время празднования Рождества школьники и подростки ходили по дворам «Христа славить», а под Новый год колядовали, рассыпая в домах своих односельчан зерно и поздравляя хозяев, при этом они напевали: «Дева Мария по полю ходила, бога просила:

«Уроди нам, Боже, ржички, пшенички, овсеца, просянца, всякого хлеба. Сею, вею, посеваю, с Новым годом поздравляю».

С 1950 г. заявления с просьбой открыть церковь стали поступать также из с. Плодовитого Сарпинского района. Верующие жаловались на то, что из-за отсутствия в районе действующих культовых сооружений для отправления религиозных служб им приходится ездить в церкви, находящиеся в 50–100 км от их села.

Во второй половине 1940-х — первой половине 1950-х гг. активность, проявленная православным населением Сарпинского района по открытию церкви и молитвенных домов, из-за непримиримой позиции властей не привела к юридическому оформлению религиозных обществ и групп. Верующие при отпадении своих религиозных потребностей по-прежнему вынуждены были идти на нарушение законодательства страны.

Не удалось восстановить свои религиозные организации и православному населению Западного и Яшалтинского улусов, переданных после ликвидации Калмыцкой АССР в состав Ростовской области. В период депортации калмыцкого народа верующие из этих районов подчинялись Ростовской епархии РПЦ.

Первое заявление о желании верующих открыть молитвенный дом поступило из п. Башанта Западного района на имя уполномоченного по делам РПЦ по Ростовской области Г. Амарантова в начале 1947 г. Оно было написано не по форме, поэтому возвращено. В том же году оттуда поступили еще два заявления, но и на них был дан отрицательный ответ. На этот раз уполномоченный мотивировал свой отказ отсутствием свободного помещения [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 200. Л. 12, 34, 69]. С просьбами открыть молитвенный

дом православные п. Башанта обращались и в последующие годы, но все их заявления отклонялись. Попытки обжаловать отказы были тщетны.

Учреждения религиозного общества пытались добиться в послевоенные годы и жители с. Солёного Степновского района. С такой просьбой в 1948 г. они дважды и безуспешно обращались к уполномоченному по делам РПЦ по Ростовской области [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 345. Л. 117], дважды были отвергнуты их ходатайства и в 1954 и 1956 гг. [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 1366. Л. 39].

В целом следует признать, что в первое послевоенное десятилетие все попытки православных Калмыкии зарегистрировать новые религиозные общества не имели успеха. На территории бывшей КАССР функционировали два православных молитвенных дома, открытых еще в период немецкой оккупации. Один из них действовал в столице бывшей автономной республики — г. Элисте, переименованной к этому времени в г. Степной.

Крестовоздвиженский молитвенный дом располагался в г. Степном, в здании бывшей церковно-приходской школы по улице Октябрьской. Он открылся осенью 1942 г., в период немецкой оккупации г. Элисты, после освобождения ее Красной Армией в 1944 г. религиозное общество прошло регистрацию в исполкоме городского Совета трудящихся. 11 июля 1945 г. общество заключило договор со Степновским горсоветом о принятии в бессрочное и бесплатное пользование здания молитвенного дома и его имущества [НА РК. Ф. Р-309 Оп. 1. Д. 2153. Л. 5].

В послевоенное время в приходе Крестовоздвиженского молитвенного дома служили священники, закончившие духовные семинарии и начинавшие свою религиозную деятельность еще в дореволюционный период. Почти все они были пожилого и старческого возрастов, самому молодому из них — Хотунцову — было за 50 лет, остальным около 70 лет и более. Это были представители последнего поколения духовенства, получившего полноценное религиозное образование в дореволюционной России и сумевшего уцелеть в горниле репрессий в 1920-х – 1940-х гг. К 1943 г., моменту

потепления отношений между государством и РПЦ, их оставалось немного, но именно на них легли трудности послевоенного возрождения религиозной жизни православного населения. На этом пути приходилось преодолевать множество преград, но одной из главных была нехватка подготовленных кадров духовенства. В результате репрессий и гонений, которым подверглась РПЦ в первые десятилетия советской власти, почти полностью оказалась разрушенной система православного образования, резко сократилось число священнослужителей, из которых большинство были сосланы или вынуждены оставить служение под общественным давлением и в результате массового закрытия приходов.

Астраханская и Сталинградская епархия в этом отношении не являлась исключением, она также испытывала нехватку священников. В 1951 г. в Астраханской области, например, ощущался недокомплект церковных кадров для функционирующих церквей и молитвенных домов в количестве 3-х священников, 1 диакона и 12 псаломщиков [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 626. Л. 20]. Между тем от решения кадровой проблемы напрямую зависел процесс восстановления приходов, ибо отсутствие священника лишало религиозное общество прав на существование и его регистрацию.

В 1946 г. архиепископ Астраханский и Сталинградский Филипп (Ставицкий) в разговоре с уполномоченным по делам РПЦ в Сталинградской области С. Б. Косицыным просил его временно воздержаться от учреждения новых религиозных организаций до укомплектования им существующих обществ служителями культа, при этом не говорить об этом верующим [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 98. Л. 178].

Архиепископ Филипп главные усилия направлял на укрепление зарегистрированных и функционирующих православных обществ, стараясь сохранить их, в первую очередь, в городской местности. В Астраханской области таких обществ было только два — в Астрахани и Степном. Если городской священник или лица из органов церковного самоуправления выбывали по какой-либо причине, он быстро заменял их другими, чтобы не допустить перебоев в деятельности общества и не дать повода к его закрытию.

В своей кадровой политике Филипп, несмотря на нехватку духовенства, по возможности старался придерживаться такого принципа при отборе духовенства для приходов: он заменял «престарелых и малоспособных священников» на более подготовленных в профессиональном отношении и активных священнослужителей [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 316. Л. 45].

Архиепископ незамедлительно расставался с теми служителями церкви, которые своим поведением дискредитировали РПЦ. Так, например, он поступил в 1950 г. с Хотунцовым, настоятелем молитвенного дома в г. Степном, невзирая на то обстоятельство, что тот служил в нем с 1945 г. Священник перестал надлежащим образом заниматься делами вверенного ему прихода: недобросовестно исполнял распоряжения епархиального начальства, устранился от руководства церковным советом и ревизионной комиссией, в результате чего стали разворовываться церковные деньги. Ко всему прочему Хотунцов стал вести недостойный для духовного лица образ жизни, чем сильно скомпрометировал себя перед верующими. Архиепископ Филипп добился увольнения Хотунцова и переизбрания состава церковного совета и ревизионной комиссии [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 626. Л. 25]. После Хотунцова степновский молитвенный дом в 1950–1956 гг. возглавляли священники Георгиевский, В. М. Любарский, В. С. Сергеев, А. Н. Тихов.

Молитвенный дом в г. Степном имел свои органы самоуправления — церковный совет и ревизионную комиссию, избиравшиеся на общем собрании религиозного общества. В структуру каждого органа входили председатель и двое членов. В церковном совете и ревизионной комиссии состояли верующие преклонного возраста: во второй половине 1940-х гг. средний их возраст составлял 60 лет, в первой половине 1950-х гг. — 70 лет. За редким исключением это были пенсионеры или домохозяйки, не работавшие в государственных и общественных учреждениях, что делало их менее уязвимыми со стороны местных властей.

Ближайшим к священнику лицом в системе управления являлся председатель церковного совета, отвечавший вместе с ним за положение дел в религиозном обществе. В 1945 г. эту долж-

ность занимала Коробейникова, в 1946–1956 гг. церковный совет Степновского молитвенного дома возглавляли Алфёров, Т. Ф. Шаповалов, П. Т. Михайленко. В церковный совет и ревизионную комиссию в эти годы избирались также Т. М. Штокалов, Г. И. Горбанёв, М. Ф. Лунёв, М. В. Киевская, Г. Р. Буряков, Я. В. Полянцев, А. К. Кравцов, Н. Я. Кузьменко, И. И. Константинов, В. А. Гладков. Некоторые из них переизбирались в органы церковного самоуправления по несколько раз (Г. И. Горбанёв, М. Ф. Лунёв, А. К. Кравцов).

К концу 1940-х гг. политика по укреплению религиозных обществ, проводимая архиепископом Астраханским и Сталинградским Филиппом, дала положительные результаты. Этот факт признавал уполномоченный по делам РПЦ в Астраханской области Виноградов. В 1948 г. он докладывал в Совет по делам РПЦ: «Действующие в области церкви и молитвенные дома после их открытия организационно окрепли, и в настоящее время вокруг каждой церкви и молитвенного дома из числа верующих образовался довольно крепкий и значительный по количеству актив» [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 316. Л. 51]. В каждом приходе численность актива определялась им в несколько десятков человек.

Многие религиозные общества, функционировавшие в Астраханской области, являли собой центры притяжения православного населения из близлежащих населенных пунктов. Виноградов отмечал, что «верующие, проживающие близ расположенных сел, не только ходят в церковь молиться, но и считают, что это их приход и принимают в деятельности этого прихода активное участие» [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 316. Л. 51]. Для православного населения степной глубинки Астраханской области таким религиозным центром являлся Крестовоздвиженский молитвенный дом в г. Степном. Участие в его деятельности принимали не только горожане, но и жители соседних населенных пунктов — Троицкого и Вознесенки. В дни главных православных праздников (Рождество, Крещение, Пасха) на богослужение в Крестовоздвиженском молитвенном доме собиралось несколько сотен человек.

Показателем роста религиозности населения Виноградов считал и повышение интереса к отправлению религиозных обрядов. «Ис-

полнение религиозных обрядов, как крещение, венчание, отпевание, — писал он, — принимает довольно массовый характер» [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 316. Л. 59].

Приток верующих в церкви и молитвенные дома повысил их доходы, что позволило значительно укрепить материальную базу. На пожертвования верующих были отремонтированы и оснащены необходимыми церковными принадлежностями культовые сооружения, организованы платные церковные хоры.

Укрепление позиций РПЦ в первые послевоенные годы вызвало нарастающую тревогу у властей. Со второй половины 1948 г. политика по отношению к РПЦ ужесточилась. Священников старались ограничить рамками только их прихода, пытаясь максимально свернуть их религиозную деятельность за пределами вверенной им церкви и молитвенного дома.

В 1948 г. Совет по делам РПЦ разослал местным властям циркулярное письмо от 7 июня за № 29, рекомендовавшее «не препятствовать духовенству исполнять отдельные требы на дому у верующих по желанию последних, не устанавливая при этом границ приходов, однако наблюдая за тем, чтобы такие вызовы священников не были направлены специально на организацию групп верующих и подачу заявлений об открытии церквей» [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 503. Л. 2]. На основе этого письма и при поддержке областного уполномоченного, епископ Ростовский Сергей образовал Комиссию, перед которой была поставлена задача прикрепить к близлежащим действующим церквям и молитвенным домам православное население районов, где не имелось зарегистрированных религиозных обществ. В Ростовской области таких районов было 5, в их числе — Западный и Степновский районы, куда входили населенные пункты бывшего Западного и Яшалтинского улусов Калмыцкой АССР. Эти действия вызвали недовольство у руководителя Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпова, потребовавшего от ростовских властей отказаться от приписки православных жителей поселений, где отсутствовали зарегистрированные религиозные общества, к близлежащим церквям и приходам [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 503. Л. 1]. Мотивировал он это тем, что священники якобы будут отвлекаться от выполнения

обязанностей по религиозному обслуживанию верующих своего прихода, что может вызвать у них недовольство.

Совет по делам РПЦ потребовал от своих уполномоченных на местах усилить надзор за деятельностью духовенства и верующих. Им предписывалось фиксировать факты религиозной жизни, внимательно изучать и анализировать их в целях выработки практических рекомендаций, направленных на ослабление влияния РПЦ на население. Г. Г. Карпов в циркулярном письме от 25 августа 1948 г. инструктировал А. Виноградова: «Наблюдение и изучение должно преследовать цель фиксации приемов и методов, применяемых церковниками по разжиганию религиозности среди населения, степени влияния их на молодежь и вовлечения их в церковь» [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 316. Л. 3]. Карпов рекомендовал уполномоченному чаще встречаться со священниками, церковными активистами, верующими и в беседах с ними «осторожно и постепенно» выудить нужную ему информацию.

В 1952 г. Степновский район из состава Астраханской области был передан в состав Ставропольского края, его христианское население соответственно перешло в ведение ставропольских епархиальных властей и краевого уполномоченного по делам РПЦ. В результате этого в пределах Ставропольского края оказались сосредоточенными все зарегистрированные на территории бывшей Калмыцкой АССР органами государственной власти — православные религиозные организации, Крестовоздвиженские молитвенные дома в г. Степном и с. Приютном.

Религиозное общество с. Приютного возобновило свою деятельность в 1942 г., в период немецкой оккупации, а в 1944 г. на основании решения Совета по делам РПЦ при Совете Министров от 18 февраля оно было зарегистрировано уполномоченным по делам РПЦ в Ставропольском крае и получило от местного сельского совета в бесплатное пользование саманный дом и сторожку [НА РФ. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2154. Л. 24–25]. На момент регистрации приютненское религиозное общество ориентировочно насчитывало 1000 верующих, на 1 января 1954 г. — 1100 человек, на 1 января 1957 г. — 1200 чел. [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2154. Л. 73]. В при-

ютненском молитвенном доме одновременно могли молиться 300 человек, но регулярно его посещали два-три десятка верующих. В дни главных православных праздников число его посетителей возрастало до 150 и более человек. Небольшое количество верующих, постоянно посещавших молитвенный дом, объяснялось тем, что религиозные праздники не являлись выходными днями, и большинство из верующих были заняты на полевых работах [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 60. Л. 73].

Поскольку Приютненский улус после ликвидации Калмыцкой АССР был передан в состав Ставропольского края, то Крестовоздвиженский молитвенный дом и все православное население улуса находились в ведении церковного руководства Ставропольской и Бакинской епархии. С 1943 по 1962 гг. ее возглавлял архиепископ Антоний (Романовский), приложивший немало усилий для возрождения православия на Ставрополье и Кавказе. Архиепископ Антоний являлся приверженцем патриарха Тихона и в 1920-е – 1930-е гг. за свои убеждения и подвижническую религиозную деятельность трижды подвергался аресту органами НКВД и ОГПУ. В местах заключения он провел около 15 лет.

В 1943 г., когда епархию возглавил Антоний, в Ставропольском крае действовало 140 православных церквей и храмов, из которых только 14 функционировало до войны, все остальные были открыты в период немецкой оккупации. Православные храмы имелись почти во всех (кроме двух) районах края, при этом наибольшее их количество (8) было сосредоточено в Апанасенковском районе, куда в то время входило с. Приютное. Уполномоченный по делам РПЦ в крае Н. Чудин считал, «что край достаточно насыщен церквями и увеличивать их численность нет необходимости» [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 98. Л. 53], поэтому с момента своего назначения на эту должность он делал все возможное, чтобы не допустить открытия новых религиозных обществ. За время его пребывания на этом посту — с декабря 1943 г. до середины 1952 г. — в Ставропольском крае не было зарегистрировано ни одно православное религиозное общество, хотя только за период с 1944 по 1949 гг. верующими было подано в органы государственной власти 257 заявлений об

открытии церквей и молитвенных домов [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 473. Л. 55]. В отчёте за 1947 г. в Совет по делам РПЦ Н. Чудин признавался, что «религиозное движение в крае ещё велико и церковь имеет большое влияние на отсталые трудящиеся массы» [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 98. Л. 56].

Чтобы ослабить позиции РПЦ, местные власти и уполномоченный всячески старались ограничить деятельность священников, жаловавшихся на финансовые органы, которые, не учитывая реальных доходов, чрезмерно облагали их налогами, на введение запрета по обслуживанию религиозных нужд отдельных верующих у них на дому и за пределами приходов.

В 1948 г., когда отношения между государством и церковью заметно охладели, краевые власти приступили к ликвидации православных обществ. 3 июля 1948 г. Г. Г. Карпов предлагал Чудину особое внимание обратить на те религиозные общества, в которых с помощью самих же верующих можно было бы инициировать закрытие храмов и молитвенных домов, внимательно отслеживать все действия архиепископа Антония, направленные на сохранение приходов, и противодействовать ему в этом. Он просил подготовить и выслать ему материалы на культовые сооружения, подлежащие к изъятию у верующих, и рекомендовал Чудину проводить эти акции так, чтобы они «не были приурочены к одному времени, т. е. не носили массового характера» и проводились в соответствии с порядком, установленным инструкцией Совета по делам РПЦ [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 313. Л. 11].

Выполняя указания Совета по делам РПЦ, Чудин за период с 1948 по 1954 гг. сумел добиться ликвидации 14 православных религиозных обществ в Ставропольском крае [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 1124. Л. 62], однако для краевых властей этого было недостаточно. Партийно-советские органы власти были недовольны работой уполномоченного, обвиняя его в медлительности по закрытию церквей, в слабом взаимодействии с властями при решении религиозного вопроса, и даже в том, что совсем не входило в его обязанности, — в отсутствии антирелигиозной работы. Чудина неоднократно вызывали на заседания краевого исполнительного

комитета ВКП(б) с целью проработки. В 1949 г. первый секретарь крайкома ВКП(б) М.П. Бойцов на одном из таких заседаний открыто упрекнул уполномоченного в том, что тот «излишне осторожничал и доосторожничался до того, что в крае безнаказанно распоясалось духовенство» [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 623. Л. 121].

Усилившееся к концу 1940-х гг. наступление краевых властей на православные религиозные организации вновь выдвинуло проблему их выживания на передний план. В сложившейся ситуации для сохранения существующих приходов архиепископ Антоний вынужден был принять ряд мер организационного характера, заключавшихся в частых кадровых перемещениях священников и усилении надзора за деятельностью, особенно финансовой, религиозных обществ. В приходы, которым угрожало закрытие из-за отсутствия священников, внутренних раздоров или по каким-либо другим причинам, он оперативно переводил наиболее опытных и предприимчивых служителей церкви. Вследствие этого, а также из-за нехватки священнослужителей в религиозных обществах Ставропольского края наблюдалась частая сменяемость представителей духовенства, но надо отдать должное тактике, выбранной Антонием, так как она позволила сохранить в те годы большинство религиозных обществ.

В молитвенном доме с. Приютного за послевоенное десятилетие (1946–1956 гг.) сменились 7 священников (Монголов, П. Ф. Татаркин, М. В. Игнатъев, М. Клева, А. Любимов, А. А. Карпович, П. Чернов). Большинство из них религиозное образование получили в духовных семинариях дореволюционной России и в рассматриваемое время пребывали в возрасте 60–70 лет.

В 1948 г. в приютненском религиозном обществе возникла проблема обеспечения священника продовольствием, которая могла быть использована властями как предлог к его закрытию. По свидетельству Н. Чудина, во время одной из бесед настоятель молитвенного дома П. Ф. Татаркин задал ему неожиданный вопрос: «Нельзя ли ликвидировать приютненский приход?». Далее священник пояснил: «Почти никто не ходит, никто батюшку не зовет, картошки в том месте нет, овощей нет, хлеба в этом году засушило. Видно, не до батюшки жителям. Так можно умереть

с голоду, и никто куска хлеба не принесёт» [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 313. Л. 35]. К счастью, для верующих с. Приютного этот разговор Татаркина с краевым уполномоченным по делам РПЦ не имел последствий — Чудин не воспользовался тем, чтобы закрыть религиозное общество.

В 1950-е гг. давление властей на РПЦ продолжало усиливаться. 7 июля 1954 г. вышло постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения», призывавшее партийные, комсомольские, профсоюзные организации и Министерство просвещения СССР активизировать антирелигиозную работу, проводя её «систематически, со всей настойчивостью, методом убеждения, терпеливого разъяснения и индивидуального подхода к верующим людям». Правда, вскоре, 10 ноября 1954 г., последовало новое постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», осуждавшее административные и оскорбительные для верующих методы борьбы с религией, однако в целом оно не сняло напряжение, возникшее между властями и РПЦ.

В 1956 г. Совет по делам РПЦ, обязывая уполномоченного по делам РПЦ в Ставропольском крае более серьезно отнестись к изучению причин роста религиозности среди населения края, указывал: «Вам необходимо не ослаблять изучение этого вопроса и глубже интересоваться деятельностью церкви, выявляя методы, какими духовенство усиливает своё влияние на верующих» [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 1341. Л. 62].

Уполномоченные по делам РПЦ в Ставропольском крае в целях разложения религиозных обществ старались не вмешиваться в конфликты, возникавшие между их членами. В 1951–1952 гг. были получены материалы из 38 религиозных обществ края, но ни одна конфликтная ситуация не была рассмотрена. Причину столь странного для государственного служащего поведения уполномоченный Рысухин вполне откровенно изложил в своей в информационной записке в Совет по делам РПЦ от 14 июля 1952 г.: «Поступившие жалобы по указанным вопросам мною по существу не рассмотрены и меры к ликвидации внутрицерковных конфликтов и склок с

моей стороны не принимались, так как вмешательство в эти дела со стороны уполномоченного способствовало бы наведению порядка в церковных обществах и укрепило их, а это не в наших интересах» [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 884. Л. 23].

Аналогичную цель преследовал и уполномоченный И. Федоров, занявший позицию стороннего наблюдателя в конфликте, вспыхнувшем в 1956 г. в с. Приютном между священником П. Черновым и местными верующими. В приютненском религиозном обществе в течение нескольких лет не проводились собрания учредителей, так называемой двадцатки, и сложилась практика, когда многие важные вопросы религиозной жизни священник решал, не советуясь с церковным активом. При молитвенном доме имелся церковный совет (староста Г. С. Козлова, члены Ф. В. Пасечникова, А. Г. Гордеева) и ревизионная комиссия (председатель О. А. Коротенко и члены М. К. Рева, И. Д. Боришполь). Состав этот не менялся с 1948 по 1955 гг., средний их возраст в 1955 г. составлял 68,5 лет, и они, за исключением одного человека, принадлежали к категории единоличников и домохозяек.

В 1956 г. конфликт между частью верующих и священником возник на почве недовольства прихожан единоличным распоряжением церковными доходами и контролем над ним со стороны настоятеля молитвенного дома. Вначале противоборство носило скрытый характер, но в 1956 г. оно приняло форму открытого протеста: церковный совет, поддержанный частью верующих, выразил недоверие священнику Чернову и забрал из церкви «предметы культа, ризы, платки, шали, богослужebные книги, сберегательную книжку...» и другие предметы. Краевой уполномоченный по делам РПЦ И. Фёдоров по долгу своей службы должен был вмешаться в конфликт и разрешить его в рамках существующего законодательства, но он этого не сделал. «Я не вмешиваюсь в эту борьбу, так как она ведет к ослаблению церковной общины», — так объяснил мотивы своего поступка Фёдоров в Совете по делам РПЦ [ГА РФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 1. Д. 1449. Л. 7].

Проблема была решена благодаря усилиям руководства епархии, и жизнь в приютненском религиозном обществе постепенно вошла в привычное русло.

Деятельность архиепископа Антония в 1943–1950-х гг. по управлению Ставропольской и Бакинской епархии в целом была плодотворной. Главной его заслугой является сохранение большинства религиозных обществ края и кадров духовенства: на 1 января 1957 г. в Ставропольском крае действовало 129 церквей и молитвенных домов (что всего на 11 единиц было меньше, чем в 1946 г.), в которых служили 147 священников (что, в свою очередь, на одного человека было меньше по сравнению с 1947 г.). В указанное число входили православные молитвенные дома в г. Степном и с. Приютном, которые в 1957 г. вновь вошли сначала в состав восстановленной Калмыцкой автономной области, а затем и автономной республики.

Источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

Борисенко И. В. Православие в Калмыкии. М.: тип. Патриаршего издат.-полиграф. центра. Сергиев Посад, 1999. 72 с.

Белоусов С. С. Политические репрессии против православного духовенства в Калмыкии в 20–30-е гг. XX в. // Политические репрессии в Калмыкии в 20–40-е гг. XX века. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 53–75.

Белоусов С. С. Религиозная жизнь православного населения Калмыкии в годы Великой Отечественной войны // Вклад регионов Юга России в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Мат-лы науч.-практ. конф. (20–22 апреля 2010 г.). Элиста, 2010. С. 187–191.

Белоусов С. С. Восстановление организованных форм религиозной жизни православного населения Калмыкии в период Великой Отечественной войны // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов-на-Дону, 2013. С. 293–300.